

*Посвящается
Кеме, Саре, Нику и Коди*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ	
ВРАЩАЮЩАЯСЯ СТРЕЛКА	11
ГЛАВА 1	
ВРАГ МОЕГО ВРАГА	15
ГЛАВА 2	
ДЬЯВОЛЬСКАЯ ЗЕЛЕНЬ	36
ГЛАВА 3	
ХОД КОНЕМ	58
ГЛАВА 4	
ПЕРВАЯ КРОВЬ	82
ГЛАВА 5	
ФЕЙЕРВЕРКИ	104
ГЛАВА 6	
РАССЕЯВШИЕСЯ	123
ГЛАВА 7	
ВО ЛЬДЫ	142
ГЛАВА 8	
НОВАЯ ЗЕМЛЯ	163
ГЛАВА 9	
«МЫ, ТРОЕ ПРИЗРАКОВ»	182

ГЛАВА 10	
АРХАНГЕЛЬСК	202
ГЛАВА 11	
ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА	222
ГЛАВА 12	
ОЛЕНЬЯ ДИПЛОМАТИЯ	242
ГЛАВА 13	
ИТОГИ	268
ОТ АВТОРА	309
ПРИМЕЧАНИЯ	314
СВЕДЕНИЯ ОБ ИСТОЧНИКАХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ	364
БИБЛИОГРАФИЯ	366
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	374
КАРТЫ	
РАСПОЛОЖЕНИЕ СУДОВ В ОРДЕРЕ КОНВОЯ RQ-17 1–2 ИЮЛЯ 1942 ГОДА	64
МАРШРУТ КОНВОЯ RQ-17 ДО ПРИКАЗА РАССЕЯТЬСЯ 27 ИЮНЯ — 4 ИЮЛЯ 1942 ГОДА	94
СУДЬБА КОНВОЯ RQ-17 4–28 ИЮЛЯ 1942 ГОДА	264

Смерть преградила путь в Россию,
но вы прорвались.

Джон Мейсфилд. ВСЕМ МОРЕХОДАМ

ПРОЛОГ

ВРАЩАЮЩАЯСЯ СТРЕЛКА

Джим Норт не мог сказать наверняка, что происходит, но нутром чуял: судьба конвоя PQ-17 висит на волоске. Тридцать торговых судов расходились в разных направлениях по ледяным арктическим водам, нарушая плотный оборонительный строй, который сдерживал напор немецких бомбардировщиков и подводных лодок с того самого дня, как конвой покинул Исландию. Это произошло неделей ранее. А сейчас сигнальные огни кораблей непрерывно мигали, посылая сообщения. На мостике транспорта «Трубадур», где служил Норт, коротко переговаривались на родном языке два норвежца: капитан и старший помощник. Норт мало что понимал, но интонации говорили сами за себя. Многострадальный конвой PQ-17 столкнулся с новым испытанием на пути в русскую Арктику.

Был вечер 4 июля 1942 года, около половины десятого, хотя время для экипажей особого значения не имело, ведь в июле арктическое солнце никогда не заходит. Конвой находился менее чем в 1300 км от Северного полюса. Ранее в тот день американские суда, составлявшие ядро конвоя, отметили День независимости, подняв среди тумана новенькие звездно-полосатые флаги. Вскоре после этого союзнические военные корабли, защищавшие конвой, отбили

атаку 23 немецких торпедоносцев. Три корабля были потоплены, но моряки не сомневались, что победа осталась за ними, и посчитали случившееся добрым знаком: они доберутся до СССР живыми! Еще не стихли поздравления, когда начались новые трудности.

Норт силился разобраться, о чем говорят норвежцы, но вдруг его оглушил гудок другого судна. К «Трубадуру» подошел небольшой британский корабль эскорта, и офицер прокричал в рупор немыслимое сообщение, которое уже передали всем судам сигнальными флагами. Конвою PQ-17 было приказано рассеяться. Могучие военные корабли, защищавшие его, устремились прочь. Предполагалось, что «Трубадур» и другие транспорты — безнадежно медленные, полные тротила и прочих взрывоопасных грузов — в одиночку и безо всякой защиты преодолеют несколько сотен километров по далекому Баренцеву морю и сумеют добраться до советских берегов.

Конвой был окружен подводными лодками, которые следовали за ним по пятам, пытаясь нащупать прорехи в его обороне. 24-часовой полярный день не давал передышки от атак немецких бомбардировщиков, которые уже вновь были на подлете. И, что хуже всего, конвою PQ-17 угрожал немецкий линкор «Тирпиц», самый опасный военный корабль в мире. Орудия «Тирпица» стреляли на 35 км — из-за линии горизонта. Он мог потопить судно вроде «Трубадура» прежде, чем его успели бы заметить. Матросы с некоторых союзнических кораблей называли «Тирпиц» «злым и страшным серым волком».

«Простите, что бросаем вас в такой ситуации, — крикнул командир уходящего британского эсминца одному из торговых судов. — Похоже, вам придется несладко. Удачи!»

Удача им была необходима — чтобы одолеть не только немцев, но и саму Арктику. Маршрут конвоя пролегал по кромке зоны дрейфующих льдов, окружающей Северный полюс. В воде плавало множество айсбергов и льдин с острыми как бритва краями. Хотя стояла середина лета, ледяной океан мог убить человека за считанные минуты, а температура воздуха часто опускалась ниже -17° . Облака

и туман порой не рассеивались целыми днями, лишая штурманов возможности корректировать положение судов по солнцу. Из-за близости к Северному магнитному полюсу от судовых компасов не было никакого проку.

20-летний Джим Норт был самым юным и неопытным палубным матросом «Трубадура». Он никогда прежде не выходил в море, а о Советском Союзе знал лишь, что «это большая страна, которая тоже воюет с немцами». Когда конвой отбил атаку немецких торпедоносцев, Норта охватил воинственный настрой и он почувствовал себя неуязвимым. Теперь же, наблюдая за тем, как конвой рассеивается, Джим, по его собственным словам, «испугался до чертиков».

* * *

В тысячах километров отсюда, в Вашингтоне, Лондоне и Москве, американский президент Франклин Рузвельт, британский премьер-министр Уинстон Черчилль и советский диктатор Иосиф Сталин проверяли на прочность свой шаткий союз против Адольфа Гитлера. СССР вел борьбу за выживание, сражаясь с нацистской Германией в войне, поражавшей средневековой жестокостью и уже унесшей миллионы жизней — гораздо больше, чем США и Великобритания, вместе взятые, потеряют за все годы Второй мировой. Пока союзники готовы были помогать Сталину, лишь отправляя за океан военные грузы для отступающей Красной армии. Неясно было, достаточно ли этого, чтобы удержать Сталина в Большой тройке, и все же Рузвельт и Черчилль упорно продолжали снаряжать конвой.

Обычно главы трех стран бывали слишком заняты, чтобы обращать внимание на отдельные походы. Но PQ-17 запомнился всем надолго.

На мостике «Трубадура» воцарилась было растерянность, однако норвежский капитан Георг Сальвесен быстро совладал с собой. У него был план. Сальвесен полагал, что неуклюжему «Трубадуру» не спастись в 1200-километровой гонке по откры-

тому морю, ведь нацисты уже висели у него на хвосте. Капитан решил увести корабль на север, в полярное скопление дрейфующего льда, и переждать атаки немцев там. Он приказал Норту взять курс на северо-запад, во льды, в то время как большинство других судов пошли в противоположном направлении. Среди льдов «Трубадура» подстерегали опасности. Но капитан надеялся, что там рациональные немцы искать его не станут.

Норт выполнил приказ. «Трубадуру» пришлось маневрировать среди торосов у ледового барьера — низкой белоснежной стены, тянувшейся вдоль северного горизонта. Вблизи судна клубился холодный серый туман. Испуганный белый медведь убежал от «Трубадура» по торосу, возникшему в том месте, где две льдины с сокрушительной силой ударились друг о друга. Еще немного — и «Трубадур» превратится в корабль-призрак. На мостике повисло тяжелое молчание. «Так держать!» — крикнул капитан, надеясь подбодрить команду. Впрочем, его слова не успокоили Норта, который взглянул на компас, чтобы проверить курс корабля. Стрелка бесполезного прибора вращалась без остановки.

ВРАГ МОЕГО ВРАГА

.....

Экипажи судов из конвоя PQ-17 почти не заметили поразительной красоты Исландии. К середине мая 1942 года — за полтора месяца до того, как конвой отправился в русскую Арктику, — большинство моряков уже несколько недель провели на своих судах, уныло стоявших на якоре у исландского берега. Место называлось Хваль-фьорд, что в переводе с исландского значит «китовый фьорд»: долгое время в заливе велась добыча китов. Впрочем, некоторым морякам союзного флота Хваль-фьорд казался скорее проклятой землей из скандинавских мифов.

Энсин ВМС США Говард Каррауэй оторвал взгляд от холодных вод и увидел «по обе стороны высокие, голые, почти ступенчатые горы... которые возвышались, как огромные черные призраки». Выше всех был массивный хребет Ботнсулур, пики которого всегда скрывались в облаках. Незаходящее солнце из чистого упрямства время от времени пробивалось сквозь мглу.

Ледяной ветер неумолимо бушевал во фьорде, он то плакал, то ревел в такелаже кораблей. «Уже 24 часа ветер непрерывно дует с севера с невероятной скоростью, завывая то сильнее, то слабее, свирепый и холодный», — писал Каррауэй. Иногда шквал достигал такой силы, что выдергивал якоря из илистого дна и носил корабли

по гавани. Январский шторм, во время которого порывы ветра достигали скорости 160 км/ч, столкнул американский тяжелый крейсер «Уичита» водоизмещением в 13 000 тонн с двумя другими судами, а затем выбросил на мель. Лишь изредка ветер стихал, внезапно уступая место тишине, и тогда за километр было слышно, как плюхаются на воду утки. В волнах между судами резвились и кувыркались тюлени. Но морякам уже претили беззаботные игры животных, а больше ничего беззаботного в Хваль-фьорде не было.

Корабли стояли в конце длинного глубокого фьорда к северу от Рейкьявика, столицы Исландии. Не считая нескольких разбросанных по берегам ферм и двух морских баз — американской и британской, Хваль-фьорд был местом пустынным. На базах хранились запасы топлива, здесь были оборудованы доки и поставлены ниссеновские бараки — готовые укрытия из гофрированного металла, — где продавали провиант и дешевое пиво. На стоянке струдилось больше сотни судов под флагами целой дюжины союзных стран. Их в спешке собрали в Хваль-фьорде, чтобы отправить в СССР. Во флотилии имелись как новенькие суда типа «Либерти», только что сошедшие с американских верфей, так и ржавые посудины времен прошлой мировой войны. Каждое судно было укомплектовано командой гражданских добровольцев, а за его защиту отвечал военный оружейный расчет.

Переход длиной 3000 км от берегов США до портов Мурманска и Архангельска на Русском Севере моряки прозвали Мурманским маршрутом. Этот путь был серьезным испытанием, сопряженным со множеством опасностей. И дело было не только в немецких бомбардировщиках и подводных лодках, но и в суровом климате Арктики. Премьер-министр Уинстон Черчилль называл Мурманский маршрут «худшим в мире». Как правило, если у них был выбор, опытные моряки избегали его. У энсина Каррауэя выбора не было.

Как и многие оказавшиеся в Хваль-фьорде американцы, Каррауэй еще не видел войны. Он в шутку называл себя «великим американским трусом», хотя, когда дошло до дела, проявил совсем

инные качества. Голубоглазый и русоволосый, ростом 175 см, Каррауэй говорил с протяжным южнокаролинским акцентом, немного в нос. Он вырос на маленькой ферме в местечке Оланта неподалеку от города Флоренс в Южной Каролине. Родители будущего энсина едва сводили концы с концами, выращивая табак и хлопок. Денег было так мало, что Каррауэй, у которого было шесть братьев и сестер, два года жил у родственников, чтобы родителям не приходилось его кормить. Он терпеть не мог работу на ферме, но любил книги. С огромным усердием изучал английский язык и литературу в Университете Фурмана, который окончил весной 1941 года. Через несколько месяцев, когда Америка оказалась на пороге войны, Каррауэй вместе с тремя братьями решил пойти в армию добровольцем, не дожидаясь призыва. Каждый из братьев выбрал свой род войск. Возможно, они даже тянули жребий, потому что Каррауэй, мореходный опыт которого ограничивался парой лодочных прогулок по пруду на ферме, оказался в резерве ВМС США.

Его приписали к Службе вооружений морского транспорта — флотскому подразделению, сформированному для обслуживания орудий, установленных на торговых судах для защиты от вражеских подводных лодок и самолетов. Хотя Каррауэй, вероятно, этого не знал, моряки считали, что служить там нежелательно — слишком опасно. Какими бы опытными ни были команды этой Службы, орудия на транспортах и танкерах плохо защищали от подводных лодок, которые часто наносили удар внезапно. Торговые суда были главными мишенями субмарин, перед которыми стояла задача прервать союзнические поставки. Официальным девизом флотской Службы вооружений морского транспорта стала фраза «Наша цель — доставить в целости!», а неофициальным — «Вижу лодку, буль-буль».

Но если Каррауэй и расстроился, попав в Службу, то никак этого не проявлял — по крайней мере, до назначения на «Трубадур».

Последний наглядно свидетельствовал о том, что в начале войны Америка испытывала острую нехватку грузовых судов. Старый 126-метровый транспорт с сомнительным прошлым ходил на угле

и вмещал в свои шесть трюмов 6000 тонн груза. Построенный в Англии в 1920 году, за следующие 20 лет он успел трижды сменить название и владельца. В конце концов итальянская компания назвала его «Конфиденца» и стала использовать для перевозки металлолома. В 1940 году, когда Италия вслед за Германией объявила войну Великобритании и Франции, корабль находился на стоянке в Джексонвилле (штат Флорида). Несмотря на то что Америка еще сохраняла нейтралитет, власти задержали судно в порту, чтобы оно не попало в распоряжение Италии или Германии. «Конфиденца» почти год ржавела на приколе, пока итальянская команда не получила кодированное сообщение, согласно которому судно нужно было вывести из строя, чтобы оно не досталось союзникам. Итальянцы запустили котлы всухую — нагревая их без воды, чтобы расплавить и покорежить турбины и трубопроводы, но береговая охрана США заметила, что происходит, и конфисковала судно. Ущерб оказался серьезным, и все же покалеченную «Конфиденцу» передали Управлению военных поставок — федеральному агентству, отвечавшему за морские перевозки военных грузов. Котлы отремонтировали, на судно установили орудия. Управление решило эксплуатировать пароход под флагом Панама, а не США, чтобы избежать строгих проверок береговой охраны и получить возможность нанимать иностранных моряков за более низкую плату*.

В результате на «Трубадуре» сформировалась многоязычная команда. 34-летний капитан Георг Сальвесен и остальные офицеры парохода были норвежцами. Когда в 1940 году нацисты оккупировали Норвегию, все они находились в плавании на других судах и были вынуждены с тех пор жить в море либо искать временного пристанища на территории союзных или нейтральных государств. Оторванные от родины, норвежцы были сильно озлоблены. Тре-

* Такие «удобные флаги» до сих пор широко используются судовладельцами, желающими обойти требования береговой охраны и избежать уплаты налогов, выполнения различных юридических формальностей и необходимости назначать американским морякам заработную плату по профсоюзным ставкам. — *Прим. авт.* (здесь и далее, если не указано иное).

тий помощник Сигурд Ольсен не мог без дрожи в голосе говорить о своей жене и детях, которые остались в оккупированном немцами порту Берген. Ольсен тосковал по семье, а еще по фьордам, перебивам северного сияния... Он поклялся отомстить немцам. Ради этого Ольсен готов был даже дожидаться окончания войны. Он сказал Каррауэю, что, когда немецкие туристы вернутся на мощные улицы Бергена, третий помощник заставит их дорого заплатить за годы, которые ему пришлось провести в морском изгнании.

В команду «Трубадура» входили 46 моряков торгового флота — гражданских лиц, нанявшихся на судно исключительно для этого плавания в Советский Союз. Они были уроженцами 17 стран, в том числе США, Англии, Норвегии, Южной Африки, Уругвая, Латвии, Эстонии, Гондураса, Голландии, Швеции, Польши, Португалии, Испании, Бельгии и Каймановых островов. Некоторые были завербованы в миграционных лагерях США, где им дали выбор: либо работа на «Трубадуре», либо депортация. Соответственно, и по уровню подготовки, и по степени приверженности делу союзников они очень различались.

Одним из американцев на «Трубадуре» был 20-летний Джеймс Бейкер Норт III из округа Бакс в штате Пенсильвания. Норт бросил школу вскоре после нападения японцев на Перл-Харбор 7 декабря 1941 года. Взбешенный этой атакой, он опасался лишь одного — что не успеет сразиться на войне. Норт был 178 см ростом, весил 57 кг и, как он сам о себе говорил, имел «слабое горло, но громкий голос». Он мечтал стать летчиком, однако из-за хронического тонзиллита его не взяли ни на флот, ни в ВВС. Друг подсказал Норту, что в торговом флоте США на его миндалины и не взглянут, зато он получит возможность заработать «легкие деньги», служа своей стране. Как и Каррауэй, Норт ничего не знал о море. Он сочинил историю о том, как работал на судне для ловли креветок, и один из морских профсоюзов — тех, что нуждались в матросах не меньше, чем государство нуждалось в транспортах, — принял Норту, присвоив ему звание матроса второго класса, самое низшее в составе палубной команды. Посетив профсоюз в Филадельфии, Норт услышал, что на судно

«Трубадур» набирается команда для плавания в Россию. Заплатить обещали 500 долларов. Норт никогда не слышал о Мурманском маршруте, а таких денег сроду в руках не держал. Разумеется, он поспешил в доки, чтобы записаться на «Трубадур».

Надежды на легкий заработок быстро растаяли. Не успел Норт взойти на борт, как один отморозок из команды схватил его и принялся из чистой подлости колотить головой о палубу. Другой здоровяк некоторое время наблюдал за стычкой, а затем врезал обидчику Норта. Завязалась драка, и противники обрушили друг на друга шквал ударов. После этого они пожалы руки друг другу, а затем и Норту. Так Джеймс завел на «Трубадуре» первых «друзей». В плавании у него появились и другие приятели, но некоторых членов команды он к себе близко не подпускал. Особенно опасался двух рыжих братьев-верзил из Ливерпуля, которые работали на «Трубадуре» кочегарами. Похоже, братья слишком много смотрели на огонь, отчего у них повредилось зрение. При разговоре они вставали к собеседнику вплотную, и Норту становилось не по себе — ему всегда казалось, что кочегары собираются на него напасть.

Впрочем, явную неприязнь Норт испытывал лишь к Каррауэю и восьмерым другим парням из Службы вооружений морского транспорта. Он считал их самодовольными дураками. Каррауэй, в свою очередь, полагал, что Норт и остальные моряки торгового флота ленивы, ненадежны, а еще, весьма вероятно, не заслуживают доверия. «Они сплошь троцкисты и жуткие буяны», — писал Каррауэй. Когда на судне не закрыли клапан, из-за чего боеприпасы Службы залило морской водой, Каррауэй усмотрел в этом происки матросов. Норт счел обвинение абсурдом: какой моряк захочет обезоружить собственное судно перед опасным плаванием?

По пути в Хваль-фьорд «Трубадур» останавливался в Нью-Йорке и шотландском Глазго, чтобы взять на борт оружие, боеприпасы и грузы, предназначавшиеся для СССР. Главная палуба судна была заставлена ящиками и грузовиками. Рядом также стояли три танка МЗ «Ли» — их привязали к рым-болтам стальными тросами,

чтобы не смыло в море. Сначала на грузовой палубе находились еще сотни металлических бочек с этиленом, но в разгар шторма у берегов Новой Англии бочки раскатились по палубе, и капитан приказал сбросить их за борт, предотвратив таким образом катастрофу. Однако даже без бочек палубы «Трубадур» были так заставлены, что матросам пришлось проложить над грузом деревянные мостки, дабы обеспечить артиллеристам быстрый доступ к орудиям.

«Трубадур» был оснащен четырьмя пулеметами системы Льюиса 30-го калибра, которым, как подозревал Каррауэй, не хватит огневой мощи, чтобы нанести повреждение самолету или подводной лодке, и одной установленной на платформе в кормовой части корабля 4-дюймовой 50-калиберной пушкой со стволом длиной в телеграфный столб. Несмотря на внушительность, ствол четырехдюймовки невозможно было поднять выше чем на 45°, что серьезно ограничивало возможность использовать ее против самолетов. Боеприпасов не хватало. Каррауэй гадал, о чем вообще думали люди, вооружавшие «Трубадур». И все же ему повезло больше, чем другому судну из конвоя PQ-17, «Кристоферу Ньюпорту», среди орудий которого была старая пушка, долгое время стоявшая списанной в общественном парке Балтимора.

Каррауэй — в душе романтик, но не лишенный при этом насмешливости и цинизма, — чувствовал, что стремительно прощается с юношеским идеализмом. Его преобразование отражено в дневнике, который он в нарушение инструкций вел во время плавания. Этот дневник — бесконечное любовное послание к Авис, миниатюрной зеленоглазой красавице, на которой Каррауэй женился прямо перед поступлением на корабль. В каждой записи он называет ее «ангелом» и рассказывает о событиях дня, чтобы можно было во всех подробностях поделиться с Авис пережитым, когда он вернется домой — если вообще вернется. Задолго до того, как «Трубадур» дошел до Хваль-фьорда, Каррауэй стал в своем дневнике называть пароход «грудой мусора» и «проклятым сортиром дальнего плавания». Когда же на «Трубадуре» поселился голубь,

Каррауэй написал: «Должно быть, дома ему приходилось несладко, раз он решил искать приюта на этой посудине».

Тем не менее Каррауэй был решительно настроен преодолеть все препятствия и сделать так, чтобы «Трубадур» оставался на плаву до самой доставки груза. Он знал, что СССР отчаянно нуждается в помощи. И все же, как большинство американцев, Каррауэй вырос с убеждением, что СССР представляет собой ужасную угрозу свободному миру. Было несколько странно рисковать жизнью, чтобы помочь этому закрытому тоталитарному государству, во главе которого стоял бесчеловечный Иосиф Сталин. Эсин пришел бы в еще большее недоумение, знай он, какова история конвоя PQ-17 и какие политические маневры были предприняты ради него на высшем уровне.

* * *

На протяжении большей части американской истории отношения США с Россией были дружественными, если не близкими. Российская императрица Екатерина Великая первой из мировых лидеров признала США после Войны за независимость — хотя и пошла на этот шаг в основном ради ослабления Великобритании, соперничавшей с Россией в море. Во время Англо-американской войны 1812 года Россия порывалась выступить посредником в отношениях двух стран. Пока в США бушевала Гражданская война, Россия поддерживала Союз, в то время как Великобритания и Франция склонялись на сторону Конфедерации. По окончании конфликта Россия продала США Аляску за 7,2 млн долларов. Страны поддерживали стабильный уровень торговли, в основном через порт Архангельска на Белом море, вплоть до большевистского переворота 1917 года.

Большевики использовали недовольство русских солдат деморализующими поражениями от немцев в Первой мировой войне. Захватив власть, они быстро заключили с Германией мир, по которому уступили ей обширные территории и вывели российские

войска из зоны боевых действий. Выход России из войны позволил немцам перебросить сотни тысяч солдат на Западный фронт и начать наступление на британцев и французов. В результате война затянулась, потери возросли, и США также не смогли остаться в стороне. Когда в 1918 году бои наконец закончились, британцы по морю перебросили небольшой военный корпус в Архангельск, чтобы попытаться помешать большевикам удержать власть в России. Президент Вудро Вильсон усилил британские войска 5500 американскими пехотинцами, в основном новобранцами из Мичигана и Висконсина, которые ожидали, что будут защищать французскую территорию от немецких захватчиков. Но им выпало сражаться под британским командованием в Архангельске на необъявленной войне против небольших групп большевиков в глухих лесах и комариных болотах к югу от города. Американцы действовали, как пионеры на Диком Западе: строили бревенчатые форты и рассылали рейдерские отряды. Бои продолжались десять месяцев, при этом зима 1918–1919 годов выдалась настолько суровой, что кровь, текущая из зияющих ран, мгновенно замерзала, и порой это спасало жизни. Американцы покинули Архангельск в июне 1919 года, их потери составили 244 человека погибшими в боях и умершими от болезней. Они отважно сражались с зарождающейся Красной армией, но эта небольшая интервенция не смогла остановить большевиков, которые стали называть себя коммунистами. По сей день солдаты, воевавшие в Архангельске, остаются единственными американцами, которые встретились с русскими на поле боя.

Когда в начале 1919 года последние британские войска покинули Архангельск, ярые антикоммунисты Великобритании, возглавляемые Черчиллем, который тогда занимал пост военного министра, призвали к формированию крупного международного контингента, чтобы остановить большевиков. Однако Вильсон и другие лидеры победивших союзных государств, еще не подсчитавшие потери в войне, которая должна была «положить конец всем войнам», не готовы были ввязываться в новый конфликт в бескрайней России. Вильсон отказался посылать туда новые войска. Черчилль заявил,

что государства Запада еще пожалеют о своем решении: «Настанет день, когда цивилизованный мир прозреет и поймет, что уничтожение большевизма в зародыше стало бы неопишным благом для человечества». Яростное неприятие коммунизма осложнит сотрудничество Черчилля со Сталиным и Рузвельтом во время Второй мировой войны и сыграет свою роль в истории конвоя PQ-17.

О непродолжительной интервенции союзников в Россию в 1918–1919 годах быстро забыли в США, но в самой России память о ней осталась и вызывала негодование многих поколений, отравляя советско-американские отношения в период холодной войны. В 1959 году советский генсек Никита Хрущев сказал на выступлении в Лос-Анджелесе: «Мы помним ужасные дни, когда американские солдаты пришли к нам под командованием своих генералов, чтобы... подавить молодую революцию. <...> Все капиталистические государства Европы и Америки ополчились против нашей страны, чтобы задушить молодую революцию. <...> Никогда ни один наш солдат не ступал на американскую землю, а ваши солдаты ходили по русской земле. Таковы факты».

После Первой мировой войны все западные демократии со стороны наблюдали, как коммунисты сосредотачивают в своих руках власть над страной. В 1924 году Владимира Ленина на посту главы СССР сменил Сталин. В последующие 28 лет он доказал, что Черчилль был прав в своих предостережениях.

Иосиф Сталин родился в деревне на территории Грузии, входившей в состав Российской империи. В детстве его часто бил пьяница-отец, сапожник. Юный Иосиф хорошо учился в школе, но был отчислен из семинарии, после чего примкнул к большевикам, для которых устраивал ограбления банков и некоторое время отсидел в тюрьме. Хотя Сталин не служил в армии, он носил одежду военного образца — буденовку, гимнастерку, высокие сапоги. Он всегда имел при себе револьвер, прошел боевую подготовку и взял себе псевдоним Сталин — от слова «сталь».

Управленческие таланты сделали Сталина незаменимым членом молодой Коммунистической партии. Он пользовался этим, чтобы

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru